

делений, писатели называются то просто «писателями», то «литераторами», то более подробно: «писатель и журналист», «писатель-романтик», «писатель-прозаик», «писатель-романист» и т. п. Некоторые фамилии даются без имен (Онэ, Авеллан, Перро и др.). Думается, что названного достаточно.

Наконец, об иллюстрациях. Начинаются они с суперобложки. Помимо традиционных портретов и фотографий, много репродукций картин, карикатур, рисунков того времени, афиши, пригласительные билеты

и т. д.— то есть те «обеденные меню», которые так много значили для самих Гонкуров. Все подобрано с большим вкусом. Жаль, что нет списка иллюстраций, и иллюстрации, помещенные на супер, останутся для многих инкогнито. Не везде удачное размещение иллюстраций: иногда допускается сильное хронологическое расхождение. Например, гравюра Хокусаи попала в первый том, тогда как ей естественнее быть во втором.

Н. ДОРОГОВА

г. Рязань

КОРОТКО О КНИГАХ

СЕГОДНЯШНИЙ ПРИШВИН*

«**О** Пришвине писать трудно, почти невозможно», — заметил как-то Константин Паустовский. И это верно. Каждый писатель приходит в литературу своим неповторимым путем, выделяясь среди прочих «лица необщим выраженьем», но в облике Пришвина-художника, в его творческой судьбе это проявилось, может быть, с необыкновенной остротой. Он настолько «на особицу», настолько сам по себе, что определить его место в литературном потоке может лишь тот исследователь, который, не пугаясь очевидных пришвинских противоречий и кажущихся его расхождений со своим временем, поймет и воспримет общий пафос его творчества.

В этом, на мой взгляд, главное достоинство новой книги И. Мотяшова. Автор ее задался целью не только разобраться в необычной природе пришвинского «путика», но и вы-

явить то главное, что в конечном счете определилось этой природой и что с наибольшей полнотой отвечает потребностям нашего времени, — воинствующий романтический гуманизм Пришвина.

Скажем сразу же — подобный подход может показаться слишком усложненным и уж, во всяком случае, непривычным для тех, кто до сих пор воспринимал Пришвина по преимуществу как певца природы, как зоркого и влюбленного соглядатая ее поэтических тайн. Больше того, эта очевидная и понятная для всех особенность пришвинского творчества ощутило отодвинулась в книге И. Мотяшова, увлеченного самобытной философией писателя, на второй план. Это вовсе не ошибка исследователя, это «открытие» Пришвина с позиций нашего сегодняшнего литературоведения, новый ключ к нему. Стремление рассматривать жизнь писателя и его творчество в движении и синтезе тем более важно, что Пришвин пришел в литера-

* И. Мотяшов, Михаил Пришвин. Критико-биографический очерк, «Советский писатель», М. 1965, 248 стр.

туру человеком зрелым, уже вроде бы определив однажды свою судьбу: за его плечами было тридцать три года — почти половина жизни, не имевшей до того ничего общего с писательским трудом. Пришвин-философ как будто бы опередил в своем формировании Пришвина-художника. Однако на самом деле это был единый, взаимопроникающий процесс.

И. Мотяшов прослеживает его от самых истоков, показывая, как еще в детские годы мальчишеское воображение будущего писателя было навсегда потрясено открывшейся ему грозной пропастью между мечтой и действительностью, видением зловещей «кашеевой цепи»... Мы видим далее Пришвина-студента, увлеченного марксизмом и пропагандой в рабочих кружках. Но даже «Капитал» переводится молодым человеком прежде всего «на язык своего сердца»: тяжкий и жестокий путь борьбы заслонен от глаз Пришвина прекрасным и светлым образом будущего. Укрепленная и умноженная пережитыми испытаниями, судом и тюрьмой любовь к людям переходит у него в наивное всепрощающее обожествление, своего рода «гомотеизм»...

И. Мотяшов так определяет корни своеобразного пришвинского романтизма: острая неудовлетворенность окружающим толкнула писателя на поиски некоей сказочной страны — «без имени, без территории»...

Первые книги Пришвина появляются в трудное время — в самый разгул полицейского террора, наступивший вслед за поражением революции 1905—1907 годов. По форме это записки путешественника-этнографа и краеведа, путевые очерки, едва ли не научный отчет об экспедиции в край непуганых птиц. Но,

по удачному выражению исследователя, содержание этих пришвинских книг было не столько описанием путешествий по определенным географическим пространствам, сколько «путешествием во времени — в прошлое и отчасти в будущее». Во внешнюю материальную форму путевого очерка писатель вдохнул живую душу — «свое представление о мире, свое понимание человека и времени, свою мечту».

Эта мечта, эти представления, при всей субъективности своей, неотделимы от эпохи. И. Мотяшов очень убедительно показывает переключку пришвинских поисков «стихийного» общечеловеческого начала со взглядами Блока, с некоторыми философскими положениями Луначарского тех лет. Казалось бы, эти поиски явно «не ко времени» — ведь Пришвин отрицает и долго еще будет отрицать путь борьбы, путь насильственного переустройства мира, его понимание народных идеалов еще слишком «сказочно». Тем не менее — и это очень важно! — исследователь не спешит отмахнуться от этих взглядов как заведомо ошибочных, не торопится осудить и перечеркнуть их. Он ищет и находит в них прорастающее в завтрашний день зерно — зерно большой пришвинской мечты о грядущем бесклассовом обществе, о человеке-богатыре, свободном и счастливым хозяине своей земли.

И сама «вечная и неизменная» природа — постоянный герой пришвинских рассказов и повестей — предстает перед нами отражением живой души его лирического героя.

В ней, в этой душе, редкое и счастливое сочетание мудрости и простоты, детская жажда справедливости и взрослая, всезнающая печаль. Отсюда и великолепное пришвинское умение «погладить ребенка словом»,

и проникновенный жизнеутверждающий лиризм «Жень-шеня», так хорошо раскрытый И. Мотяшовым.

Свободно погружаясь в стихию пришвинского творчества, в ясные глубины его мыслей и образов, исследователь разворачивает перед нами, путь большого писателя «из одиночества в люди» как неустанный подвиг приобщения ко времени

и жизни, как постепенное, радостное осознание своей личной причастности к великому народному делу. И это самое убедительное подтверждение огромного пришвинского вклада в большую советскую литературу, вклада, который, может быть, мы только лишь теперь начинаем оценивать по-настоящему.

Вс. СУРГАНОВ

СВОЕОБРАЗИЕ ХУДОЖНИКА*

Вышедшая в Ленинграде книга Н. Луговцова о творчестве Ольги Дмитриевны Форш рассказывает о сложном творческом пути, пройденном старейшей советской писательницей.

В первых главах автор повествует о литературной среде, в которой складывалось мировоззрение Форш. Используя автобиографические заметки Форш, переписку ее, первые литературные опыты (отталкивающиеся от занятий живописью), Н. Луговцов дает читателю верную ориентацию в одном из самых сложных вопросов творческой биографии писательницы — о ее увлечении символизмом и долгой внутренней борьбе за реалистическую основу творческого метода. Автор не умалчивает, что влияние символизма сказалось и позже в творчестве Форш — при создании романов «Сумасшедший корабль», «Символисты», весьма субъективно трактующих значение творчества Андрея Белого, Ремизова, Вяч. Иванова в литературном процессе. Н. Луговцову удается убедительно показать, что «здоровый земной талант Ольги Форш» победил и

привел ее в лагерь прозаиков-реалистов.

Удачей Н. Луговцова можно считать и анализ рассказов Форш, написанных до революции и в промежутки с 1917 по 1924 год; здесь охарактеризованы некоторые компоненты будущего стиля мастера исторического жанра.

Небольшие последующие главы книги рассказывают об исторических романах писательницы. Несколько схематично, но в основе верно анализирует автор каждый из романов Форш, отводя им одно из первых мест в советской исторической прозе.

Однако Н. Луговцов не пользуется подготовленной им же самой возможностью перейти от анализа отдельных произведений к обрисовке художественной манеры Ольги Форш. Это тем более досадно, что разговор о стиле Ольги Форш давно назрел и, начатый П. Громовым, требует продолжения. Четкая и правильная в основе своей книга Н. Луговцова обходит один из главных вопросов, которого уже коснулись исследователи творчества Форш, — в ней не ставится задача выявления законов творчества писательницы, законов построения ее своеобразных романов, о ко-

* Н. Луговцов, Творчество Ольги Форш, Лениздат, 1964, 152 стр.